

На правах рукописи

Хатламаджиян Маргарита Аршалуйсовна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЛГУЩЕГО ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

НАЛЬЧИК

2021

Работа выполнена на кафедре немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: **Ленец Анна Викторовна,**
доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Официальные оппоненты: **Катермина Вероника Викторовна,**
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Тахтарова Светлана Салаватовна,
доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода Института международных отношений ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Защита состоится «27» января 2022 года в 14 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д.212.076.05. в ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, диссертационный зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Электронная версия автореферата размещена на сайте КБГУ им. Х.М. Бербекова. Режим доступа: <http://www.kbsu.ru>.

Автореферат разослан «23 » ноября 2021 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Т.А. Чепракова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено анализу языковых средств, репрезентирующих невербальное поведение лгущего персонажа в художественном тексте.

Ложь – универсальный социально-психологический и коммуникативный феномен, представляющий исследовательский интерес для целого ряда научных направлений современного языкознания – психолингвистики, социолингвистики, лингвофилософии, теории дискурса, паралингвистики. С развитием паралингвистики феномен лжи становится и объектом изучения невербальной семиотики, где помимо анализа языковых единиц, устанавливается взаимосвязь между словесным оформлением ложного акта и невербальными компонентами, сопровождающими речь коммуникантов.

Являясь неотъемлемой частью жизнедеятельности индивидуума, коммуникация происходит не только посредством слов, но и через «невербальные» компоненты. При этом акустический канал передачи информации тесно связан с визуальным каналом. Проявление невербального языка детерминировано импульсами человеческого подсознания и отсутствием возможности подделать эти внутренние импульсы. В связи с этим невербальные средства справедливо относят к достоверным «верификаторам эмоций и психологического состояния участников коммуникативного акта ввиду прямолинейности, точности и искренности сигналов языка тела» [Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии / В.И. Шаховский. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2009. – 172 с.]. **Актуальность** настоящей диссертационной работы определяется, *во-первых*, антропоцентрическим подходом в современной лингвистике, *во-вторых*, необходимостью разностороннего изучения речевого поведения коммуникантов, *в-третьих*, отсутствием подходов к описанию невербального поведения лгущих коммуникантов в художественном дискурсе.

Степень разработанности проблемы. Многоаспектность феномена лжи в межличностной коммуникации побуждает отечественных и зарубежных учёных обосновать психологические причины лжи в коммуникации [М. Аргайл, С.В. Беляева, Р. Вайзман, Н.В. Крогиус, К. Мелитан, А.Р. Лурия, С.И. Симоненко, Е.В. Спирица, А.Н. Тарасов, П. Экман и др.], установить морально-этические и эмотивные принципы реализации лжи в общении [Л.Р. Безуглая, Г.Ч. Гусейнов, Д.И. Дубровский, Е.Н. Маркина, А.Г. Мясников, В.И. Шаховский, Ю.В. Щербатых и др.], определить потенциальные возможности тактического управления и регуляции поведения индивидуума в социуме с помощью лжи [К.А. Врыганова, Г.В. Грачёв, В.В. Знаков, Е.Л. Доценко, А.А. Леонтьев, М.В. Малышкина, А. Меграбян и др.], описать лингвистические и семиотические аспекты осуществления ложного выска-

зывания [С.В. Бурёноква, Х. Вайнрих, Г.Е. Крейдлин, Й. Кубинова, А.В. Ленец, Т.А. Литвинова, О.В. Мудрая, М.А. Поваляева, О.М. Попчук, Н.М. Романова, И.И. Серякова и др.], выявить лингвокультурологическую особенность концепта «ложь» [А. Вежбицкая, Н.Б. Ершова, Н.Н. Панченко, В.О. Радищева, Л.М. Рязановский, З.Е. Фомина и др.], идентифицировать невербальные признаки осуществления ложного высказывания в речевом поведении говорящего, в том числе и говорящего персонажа [Т.И. Леонтьева, О.Е. Филиппова, Т.А. Литвинова и др.].

Лингвистами отмечается, что использование автором произведения невербальной характеристики поведения героя влияет на адекватное восприятие читателем коммуникативного поведения описываемого персонажа ввиду того, что невербальное поведение персонажа «придаёт его внутреннему существу некую отчётливость, определённую, законченность и является [...] важнейшей гранью персонажа как целостности» [Булаева Н.Е., Бурова Е.А. О невербальных способах характеристики образов персонажей (на материале готической научной фантастики) // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 204]. Функциональная значимость паралингвистических средств детерминируется возможностью вносить дополнительную информацию, восполнять упущенный речевой компонент или способностью комбинировать с вербальными средствами, транслируя одинаковый смысл.

Невербальные компоненты реализации ложного сообщения коммуникантами в речевом взаимодействии изучены преимущественно в трудах по паралингвистике, где анализируются лексические средства обозначения паралингвистических компонентов [Е.М. Верещагин, И.А. Голованова, Г.В. Колшанский, В.Г., Костомаров, З.З. Чанышева и др.], эмотивно-оценочного аспекта [К.Е. Изард, Е.П. Ильин, О.В. Лыкова, Т.Л. Музычук, В.И. Шаховский и др.], вербализации паралингвистических актов [В.Д. Горбенко, И.Н. Горелов, Е.А. Зуева, Г.Е. Крейдлин, Е.С. Кудинова и др.]. В последнее десятилетие наблюдается интерес лингвистов к изучению невербального поведения именно образов персонажей [Н.Е. Булаева, Е.А. Бурова, Л.В. Воробьева, Е.М. Верещагин, И.А. Голованова, В.Г. Костомаров, Т.Л. Музычук, З.Р. Хачмафова и др.].

Объектом настоящего исследования выступает невербальное поведение персонажа при осуществлении ложного высказывания в художественном произведении.

Предметом исследования являются языковые средства, репрезентирующие невербальные признаки поведения лгущего персонажа в художественном дискурсе (на материале немецкоязычной художественной литературы).

Гипотезой исследования является предположение о том, что при описании образа лгущего персонажа автор художественного произведения использует та-

кие языковые средства, которые в значительной степени влияют на адекватное восприятие читателем коммуникативного поведения описываемого персонажа. Верификация неискренности лгущего персонажа в художественном тексте осуществляется читателем в зависимости от определённого набора языковых маркеров, используемых автором эксплицитно и/ или имплицитно.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. В соответствии с формулой специальности «10.02.19 – теория языка» в рамках диссертационного исследования проводится изучение невербальных средств описания поведения лгущего персонажа в художественном дискурсе. Научные результаты, полученные в настоящем диссертационном исследовании, соответствуют областям исследования, указанным в паспорте специальности «10.02.19 – теория языка». В рамках задач, направленных на изучение знаковой природы языка, взаимодействия языка и мышления, рассматриваются теоретические предпосылки исследования невербальных средств коммуникации при реализации ложного высказывания в области гуманитарных наук. В плане дискурсивно-семантического анализа исследуется образ лгущего персонажа как художественная форма представления авторского присутствия с учётом эксплицитных и имплицитных смыслов, анализируются лексические номинации, характеризующие невербальное поведение лгущего персонажа в ситуации ложного общения. В аспекте исторической социолингвистики определяется национально-культурная специфика лгущего персонажа, верифицируется тип лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и комплексном анализе языковых средств, используемых для описания невербального поведения лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе. Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих основных исследовательских задач:

1) рассмотреть и проанализировать существующие подходы к описанию невербального поведения лгущего коммуниканта в современных отечественных и зарубежных фундаментальных исследованиях;

2) определить понятие «лгущий персонаж» как ключевую составляющую осуществления ложного высказывания, разработать классификацию лгущего персонажа в зависимости от модели его невербального поведения;

3) описать национально-культурную специфику и эволюцию лгущего персонажа в немецкоязычной художественной литературе;

4) выявить наиболее частотные языковые средства, описывающие невербальное поведение лгущего персонажа при осуществлении ложного высказывания в немецкоязычном художественном дискурсе;

5) установить соотношение маркеров невербального поведения лгущего персонажа для составления его типологии на примере художественного дискурса;

б) проанализировать особенности эксплицитной и имплицитной репрезентации невербального поведения лгущего персонажа на примере немецкоязычного художественного дискурса.

Наблюдение за невербальной организацией поведения лгущего персонажа в художественном произведении представляет ценный практический материал для исследования.

Материалом для настоящего диссертационного **исследования** послужила выборка 850 диалогических фрагментов из художественных произведений немецкоязычных писателей XX–XXI вв., демонстрирующих речевую ситуацию лжи в межличностном общении. Общий объём проанализированных художественных текстов составил около 5530 страницы. Примеры были также собраны и изучены с помощью немецкого лингвистического корпуса «DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts» (цифровой словарь немецкого языка XX в., Академия Наук, Берлин, Германия). Значимость коммуникативного феномена лжи подтверждается тем, что героям произведений приходится часто прибегать ко лжи, которая позволяет решить существующие проблемы и достигнуть необходимых целей. Отсюда ситуация осуществления ложного сообщения в художественном произведении является не такой редкой.

Совокупность применяемых в настоящем исследовании **методов** включает: *теоретические методы* (гипотетико-дедуктивный метод при выявлении и теоретическом истолковании основных характеристик невербального поведения; описательный и сопоставительный методы при систематизации научного знания о типологии невербального поведения коммуникантов); *лингвистические методы* (лингвистическое наблюдение для выборки фрагментов, описывающих речевую ситуацию лжи; метод контент-анализа, позволяющий объективно заключить о невербальном поведении лгущего персонажа, выявить лексические единицы и установить тип лгущего персонажа, интерпретационный метод; метод сплошной выборки); *статистические методы анализа* (метод количественного подсчёта). Выбор такого комплексного использования методов исследования был обусловлен указанными во введении диссертации целью и задачами.

Общенаучная методологическая основа диссертации базируется на трудах отечественных и зарубежных исследователей, разработанных в следующих областях научного знания:

в области фундаментальных наук: философии [Аристотель, 1987, И. Кант, 1999, Ф. Ницше, 1997, Платон, 1968 и др.]; антропологии [В. Биркенбил, 1997, D. Morris, 1971 и др.]; психологии [В. Вундт, 2002, К. Изард, 1980, Е.П. Ильин, 2001, В.А. Лабунская, 1986, 1997, 2009, Р. Екман, 1976 и др.]; социологии [J. Habermas, 1989, E. Goffman, 1971, M. Weber, 1991 и др.].

Частнонаучную теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных в области:

паралингвистики [В.И. Аданакова, 1988, О.Л. Булгакова, 2005, В.В. Ганина, 2005, Ю.В. Дмитриева, 2013, Е.А. Зуева, 2003, Г.В. Колшанский, 2010, Г.Е. Крейдлин, 2000, 2004, М.А. Поваляева, 2004, Р.К. Потапова, 1997, З.З. Чанышева, 1979, D. Crystal, 1975, J. Fast, 1989, A. Kendon, 1983, A. Pease, 1985, G. Trager, 1958 и др.];

теории дискурса [В.И. Карасик, 2004, И.А. Кудряшов, 2005, М.Л. Макаров, 2003, П. Серियो, 1999, Н.А. Красавский, 2000, 2008, 2012, В. Giese, 1992 и др.];

лингвистики текста [Н.Д. Арутюнова, 2005, Л.Г. Бабенко, 2008, А. Вежбицкая, 1999, Я.А. Волкова, 2014, Н.В. Изотова, 2006, Ю.Н. Караулова, 2010 и др.];

лингвистики лжи [А.В. Ленец, 2008, 2010, Т.Т. Леонтьева, 2011, Т.А. Литвинова, 2015, Н.Н. Панченко, 2004, С.Н. Плотникова, 2000, В.О. Радищева, 2017, Е.В. Спирица, 2017, А.Н. Тарасов, 2005, О. Фрай, 2006, Н. Weinrich, 1966 и др.];

анализа невербальной коммуникации и типологического анализа невербальных средств [И.А. Ахьямова, 2009, Л.В. Верещагин, 1999, К.А. Врыганова, 2012, И.А. Голованова, 2009, И.Н. Горелов, 2009, В.В. Дементьев, 2006, М. Кнапп, 1978, Г.Е. Крейдлин, 1999, 2005, А. Пиз, 2010, О.Г. Шашкина, 2006, А.И. Шевченко, 1998, Е.Д. Ю, 2011, R. Aboudan, 1999, J. Allwood, 2002, M. Argyle, 1972, A.J. Arico, 2013, M. Bowden, 2010, T.V. Chernigovskaya, 2007, J. DeVito, 2005, M. Ellsberg, 2010, W. Friesen, 1976, J. Hall, 2014, M. Knapp, 2014, K. Leonhard, 1976, G. Robinson, 2000, V. Schönher, 1997, E. Selkirk, 1984 и др.] *и отдельно при осуществлении ложного высказывания* [В.Д. Горбенко, 2007, Т.Т. Леонтьева, 2011, О.В. Лыкова, 2017, М.В. Малышкина, 2012, О.М. Попчук, 2006, Н.М. Романова, 2007, Cr. Castelfranchi, 1994, C. Da Silva, 2013, P. Ekman, 2001, D.T. Gilbert, 1990, J. Harwood, 2014, J. Malpas, 2008, J. Meibauer, 2005, J. Vincent, 1979 и др.];

характеристики литературного персонажа и описания языковой личности [Н.Е. Булаева, 2017, Е.А. Бурова, 2017, М.М. Бахтин, 1979, Л.Я. Гинзбург, 1976, А.Г. Клокова, 2020, Н.А. Красавский, 2001, 2017, З.А. Кузневич, 1999, Ю.М. Лотман, 1992, В.И. Шаховский, 2005 и др.].

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основой для выявления и классификации невербальных маркеров ложного высказывания в художественном дискурсе выступают знание психоэмоционального состояния лгущего коммуниканта, определение свойств души человека через его телесное поведение, специфика речевой ситуации лжи, целеустановка ложного высказывания, компоненты, репрезентирующие ложь в ситуации невербального общения и вариативность авторского замысла.

2. Под «лгущим персонажем» понимается субъект эмоционального переживания, обладающий самостоятельной жизнью и содержанием, чей невербальный портрет в ситуации манифестации ложного высказывания воплощается посред-

ством определённых языковых и сюжетно-композиционных средств авторского повествования. Лгущий персонаж включает в себя синтез эмоциональных, умственных, физических и поведенческих характеристик, выраженных через его речь, поступки, портрет и поведение. Образ лгущего персонажа складывается на основе совокупности сюжетно-композиционных средств, речевых и невербальных характеристик поведения персонажа, которые выражаются с помощью маркеров авторского присутствия в тексте.

3. Национально-культурная специфика лгущего персонажа в немецкой лингвокультуре обусловлена ментальной картиной времени, в которой разворачивается сюжет, а также национальной культурой со стереотипным представлением о лжеце. В немецкой литературе тема лжи и образ лгущего персонажа имеет национальные традиции и определённые этапы развития. Поведение лгущего персонажа зависит от жанра произведения в национальной литературе, от национального типа лгущего персонажа, невербального кода поступка лжеца, причины осуществления ложного высказывания и авторской оценки самого поступка лгущего персонажа.

4. Спецификой осуществления ложного высказывания в немецкоязычном художественном дискурсе является описание автором контролируемых и неконтролируемых психоэмоциональных реакций лгущего персонажа, выраженных сомативами и вегетативами. Выбор автором произведения языковых средств, описывающих невербальное поведение лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе, определяется каналом невербального взаимодействия участников коммуникации – *кинесического* (жесты, телодвижения, мимика), *просодического* (ритмико-фонационное оформление речи) и *окулесического* (глазное поведение).

5. Соотношение невербального кода лгущего персонажа с авторским выбором языковых маркеров невербального поведения лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе свидетельствует о типе лгущего персонажа: эмотивном, адаптивном или регулятивном. Для невербального поведения *эмотивного типа лгущего персонажа* типично использование просодических и окулесических маркеров. Для описания *адаптивного типа лгущего персонажа* используются просодические маркеры, конкретизирующие низкий, ровный тон голоса, и окулесические маркеры. Невербальное поведение лгущего персонажа *регулятивного типа* находит заметное отражение в кинесических маркерах, которые реализуются с помощью жестикуляции и телесных модуляций.

6. В зависимости от проявления авторского намерения, текстуальной композиции художественного текста и психологического воздействия на участников общения маркеры ложного высказывания характеризуются посредством *эксплицитных* (выраженных) и *имплицитных* (скрытых) авторских смыслов. При эксплицитном описании невербальное поведение лгущего персонажа изображается с помощью маркеров кинесических, просодических и окулесических сомативов,

которые характеризуют преимущественно внешнее поведение лгущего коммуниканта. В качестве имплицитных маркеров квалифицируются лексические единицы, где невербальный маркер не получает чёткого описания со стороны автора художественного текста и прямого обозначения невербального движения для осуществления ложного высказывания не наблюдается.

В процессе исследовательского анализа выявлено, что при манифестации высказывания с ложной коннотацией в большинстве случаев задействованы телодвижения и мимика, которые обнаруживаются через невербальные маркеры с эксплицитным смыслом. Телесные манипуляции и мимические иллюстрации крайне сложно поддаются контролю и очевидны в своём проявлении, поэтому они определяются в качестве эксплицитных, эффективных маркеров изобличения лжи. Выявлено, что в ложной невербальной ситуации с большей частотностью используются просодические и окулесические маркеры с имплицитным воздействием. Это объясняется неосознанностью физиологических реакций и экспрессивностью звуковых жестов, для корректного верифицирования которых необходимо глубокое понимание содержательной канвы произведения.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются, определяются и классифицируются маркеры ложного высказывания с позиции невербальной семиотики, описывается специфика языковой репрезентации невербального поведения лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе. Обосновывается выбор автором произведения невербального кода (кинестический, окулесический, просодический) при описании невербального поведения лгущего персонажа. Данный выбор осуществляется на основе личного опыта писателя и его знания возможной интерпретационной читательской деятельности. Результаты проведённого исследования подтверждают, что лгущий персонаж является субъектом эмоционального переживания, невербальный портрет которого манифестируется в момент осуществления ложного высказывания с помощью определённых языковых и сюжетно-композиционных средств авторского повествования.

Личный вклад диссертанта заключается:

- 1) в обосновании понятия «лгущий персонаж»;
- 2) в изучении эволюции «лгущего персонажа» в немецкоязычной художественной литературе;
- 3) в установлении основных компонентов модели невербального поведения лгущего персонажа.

В научный оборот вводится ряд новых понятий (*лгущий персонаж, типы лгущего персонажа: эмотивный, адаптивный, регулятивный*). Теоретически обосновывается классификация невербальных маркеров поведения лгущего пер-

сонажа в художественном дискурсе. Впервые анализируется тип лгущего персонажа с учётом определённых наборов невербальных маркеров.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что она вносит значимый вклад в развитие паралингвистики, стилистики немецкого языка, лингвистики текста, лексикологии немецкого языка и лингвистики лжи. Анализ представленного корпуса невербальных средств реализации ложных высказываний с позиции невербальной семиотики расширяет представления о языковых особенностях невербального поведения персонажа в немецкоязычном художественном тексте. Извлечение эксплицитных и имплицитных невербальных маркеров поведения лгущего персонажа в границах диалогических отрезков художественных произведений позволяют успешно верифицировать неискреннее поведение лгущего коммуниканта и соотнести с предложенной типологией лгущего персонажа.

Практическая ценность работы обусловлена возможностью применения результатов диссертационного исследования при подготовке лекционных и практических занятий по теории языка, стилистике, лексикологии, когнитивной лингвистике, социолингвистике, лингвистике лжи, при разработке тематики для курсовых и дипломных работ. Материалы исследования могут применяться и в курсах по стилистике, немецкой литературе, интерпретации художественного текста и межкультурной коммуникации.

Апробация работы. Материалы диссертации прошли апробацию в процессе научных обсуждений на заседаниях кафедры немецкой филологии и на ежегодных коллоквиумах аспирантов кафедры немецкой филологии Южного федерального университета. Основные положения диссертации нашли своё отражение в восьми публикациях. В ведущих периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ, опубликовано четыре статьи. Результаты исследования были представлены на VIII Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (г. Челябинск, 2016 г.), IV Международной научно-практической конференции «Германистика в современном научном пространстве» (г. Краснодар, 2016 г.), на XVI Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (г. Донецк, Украина, 2018–2019 гг.), на Всероссийской научно-практической онлайн-конференции «Язык и коммуникация в контексте культуры» (г. Ростов-на-Дону, 2020 г.).

Структура и объём диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Общий объём диссертации – 162 страницы.

Библиографический список включает в себя 235 наименований научных работ отечественных (176 источников) и зарубежных (59 источников) учёных, списка словарей и справочно-информационных изданий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается тема исследования, её актуальность, научная новизна, определяются цель, задачи и методы исследования, раскрываются теоретическая значимость и практическая ценность работы, формулируются положения на защиту, характеризуется структура работы.

Первая глава *«Теоретические предпосылки исследования невербальных средств коммуникации при реализации ложного высказывания»* посвящена обзору основных подходов к изучению невербального поведения коммуникантов в речевой ситуации лжи.

Процесс речевого взаимодействия, основной задачей которого является стремление к верному, адекватному пониманию между людьми, представляет собой цепь составляющих, где создание, трансляция и приём вербального высказывания выступает лишь отдельным компонентом общего процесса. Целостность коммуникации обеспечивается также и за счёт невербального общения, которое отличается своей непрерывностью, т.е. его «включенностью» в любой социальной обстановке, в то время как вербальная коммуникация представляет собой прерывистый процесс. Приём и трансляция невербальных импульсов происходит симультанно, непроизвольно и бессознательно, когда как при осуществлении вербальной коммуникации необходимо внимание [Patterson, M.L. More than words: the power of nonverbal communication. Aresta, 2011. – 222 p.]. Невербальное поведение согласуется с невербальными сигналами, сопровождающими речевой акт и играющими определённую роль при передаче, осмыслении и апперцепции информации, куда входят жесты, телодвижения, мимика.

В фокусе исследовательского интереса находятся вопросы репрезентации невербального поведения при осуществлении ложного высказывания. Невербальные компоненты лжи на протяжении нескольких десятилетий выступают предметом глубокого изучения целого ряда гуманитарных наук: философия [Булгакова, 2005; Feldman, 1992], антропология [Дарвин, 2001; Morris, 1978], социология [Лагун, 2004, Goffman, 1971], психология [Вундт, 2002; Крогиус, 2009; Лабунская, 1986; Рубинштейн, 1976; Смыслов, 1999; Экман, 2010]. В результате проведённого исследования было установлено, что в философско-этических трудах ещё античными учёными предпринимались попытки осознания природы лжи и несловесного общения. Антропологами устанавливаются факторы для проявления невербальных движений, и прослеживается механика движения мышц, участвующих в осуществлении тех или иных невербальных манипуляций. В рамках социологии выявляются роли невербальных компонентов в организации социальных взаимоотношений. Психологи, исследуя паралингвистические явления, классифицируют их по градационному континууму в зависимости от невербального поведения личности.

Изучение реализации ложного высказывания в процессе коммуникативного взаимодействия является в высокой степени актуальной темой и вызывает интерес среди учёных-лингвистов [А.В. Ленец, 2008, 2010, Т.Т. Леонтьева, 2011, Т.А. Литвинова, 2015, Н.Н. Панченко, 2004, С.Н. Плотникова, 2000, В.О. Радищева, 2017, Е.В. Спирица, 2017, А.Н. Тарасов, 2005, О. Фрай, 2006, Н. Weinrich, 1966 и др.]. Сложность невербального поведения и контроль за ним выступает убедительной формой декодирования лжи, являясь внешней моделью бытия и отражением внутреннего мира индивидуума. Невербальное поведение презентуется с помощью различных поведенческих классификаций, которые имеют в своей основе те или иные критерии. В настоящем исследовании определяются следующие невербальные каналы осуществления ложного высказывания: кинесический, просодический и окулесический.

Произведения художественной литературы выступают неким развёрнутым во времени культурным артефактом, в своей сущности являясь материальной формой языка, где проявление смыслов и воссоздание художественного образа происходит за счёт аккумуляции опыта автора произведения. На тесную связь лжи и литературы указывал ещё Платон, по утверждению которого «все поэты лгут».

Невербальные средства выражения авторского присутствия в художественном тексте рассматриваются с позиции методологического аппарата лингвостилистики и литературоведения. Отмечено, что пристальному вниманию лингвистов подвергаются вопросы, связанные с изучением художественного текста как единой многоуровневой системы мировоззренческого континуума и культурной компетенции [К.А. Андреева, Е.В. Горчакова, 2019; М.М. Бахтин, 1979; Е.Б. Борисова, 2009; И.Ф. Волков, 2001 и др.]. Инструментом для глубокого понимания и осмысления вложенного творцом смысла, для единства всех единиц категориальной цепочки «автор – текст – читатель» выступают невербальные компоненты речевого поведения героев художественного текста. Точка зрения В.И. Заики о том, что «изображенная в художественном тексте действительность является отражением опыта автора» [Заика В.И. Лингвистический анализ художественного текста и понятие нетранзитивности / В.И. Заика //Функциональная лингвистика: Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации. Материалы конференции. – Симферополь: Доля. – 2003. – С. 120–122.] является релевантной для исследования маркеров ложных высказываний героев, зафиксированных автором произведения. В рамках реферируемого исследования в качестве основного героя художественного произведения выступает образ лгущего персонажа.

Под лгущим персонажем понимается субъект эмоционального переживания, обладающий самостоятельной жизнью и содержанием, чей невербальный портрет в ситуации репрезентации ложного высказывания воплощается посредством определённых языковых и сюжетно-композиционных средств ав-

торского повествования. Образ лгущего персонажа складывается на основе совокупности сюжетно-композиционных средств, речевых и поведенческих характеристик персонажа. Лгущий персонаж включает в себя синтез эмоциональных, умственных, физических и поведенческих характеристик, выраженных через его речь, поступки, портрет и поведение. Значимым дополнением к характеристике лгущего персонажа являются языковые средства описания невербального поведения и маркеров авторского присутствия в описании героя лжеца. Целесообразно рассматривать образ лгущего персонажа как художественную форму представления авторского присутствия.

При описании лгущего персонажа значимыми являются культурные реалии, историко-литературные характеристики, поэтому важно рассмотрение национально-культурной специфики лгущего персонажа. Национально-культурная специфика обусловлена ментальной картиной времени и культуры, в которой разворачивается сюжет. Образ лгущего персонажа в художественном произведении во многом культурно и национально детерминирован и может отличаться от стереотипных представлений о лжеце. Этноментальные характеристики лжеца, его невербальное поведение способствуют созданию модели типизированной личности лгущего персонажа, а также получению дополнительных и значимых знаний культурологического характера.

Во **второй главе** «*Языковые средства невербальной характеристики поведения лгущего персонажа в ситуации ложного общения в художественном дискурсе*» рассматривается система языковых единиц, репрезентирующих невербальные маркеры лжи в немецкоязычном художественном дискурсе, описывается природа эксплицитных и имплицитных смыслов невербальных маркеров, определяется потенциал языковой реализации невербальных признаков в рамках семиотической теории.

Определено, что контролируемые и неконтролируемые психологические реакции коммуниканта при реализации ложного высказывания регулируются соматической и вегетативной нервной системой. В связи с этим все эмоциональные проявления человека при манифестации лжи классифицируются в настоящем исследовании как соматические (от греч. *soma* – «тело») и вегетативные (от лат. *vegeto* – «возбуждать, усиливать») реакции.

Соматические и вегетативные реакции детерминируются как *сомативы* и *вегетативы*. Соматические реакции субъекта лжи, или сомативы, представлены следующими кинесическими, просодическими и окулесическими невербальными маркерами: прикосновения к лицу и носу, «защита» рта рукой, потирание века, почесывание шеи, игра с волосами, манипуляции с предметами, периодические наклоны головы или всего корпуса, продолжительная или неестественная улыбка, быстрый темп и высокий тон речи, покашливания, отсут-

ствие зрительного контакта и т.д. Вегетативы активизируются соответствующими кинесическими, просодическими и окулесическими проявлениями невербальной семиотики: покраснение лица или щек, или, наоборот, бледность кожных покровов, выступание пота на лице, нервное облизывание губ, беспокойное положение рук, дрожь/ изменения тембральных характеристик голоса, истерический смех, рефлекторное моргание.

В результате анализа репрезентаций ложного высказывания в немецкоязычных художественных текстах были выявлены основные сомативные и вегетативные типы невербального описания поведения лгущего персонажа. Исходя из того, какая часть тела была задействована при осуществлении ложного высказывания, была определена группа **кинесических сомативов**, выражаемая следующими невербальными маркерами: “Kopf” (*den Kopf schütteln, den Kopf zurücklehnen, den Kopf senken*), “Stirn” (*die Stirn runzeln, die Stirn falten, die Stirn tupfen*), “Braue” (*die Brauen hochziehen, die Brauen zusammenschieben*), “Nase/ Nasenspitze” (*recht betroffen die Nasenspitze reiben, die Nasenspitze kneten*), “Mund + Lächeln” (*den Mund in die Breite ziehen, den Mund verziehen, gefälschtes Lächeln, längerdauerndes Lächeln*), “Haar” (*mit Haar herumspielen; Haar zurückstreichen*), “Arm/ Hand/ Finger” (*Arme verschränkt halten; die Hände reiben, den Mund mit den Händen decken, die Hände hinter Rücken nehmen, die Hände kneten, die Finger aneinander reiben*), “Achsel/ Schulter” (*mit den Achseln/ Schultern zucken, bis zu den Achseln hochziehen*), „Rücken“ (*den Rücken zudrehen, die Kehrseite zuwenden*), “Fuß/ Bein/ Knie” (*von einem Fuß auf den anderen treten, mit den Beinen wippen, das Knie reiben*). Кинесические сомативы представляют самую большую группу от общего числа выявленных невербальных маркеров. Это объясняется тем, что в процессе осуществления ложного высказывания лжец пытается нивелировать своё психоэмоциональное напряжение и для замещения своих эмоций, самозащиты и подтверждения мнимой «правдивости» лжец прибегает к кинесическим телодвижениям, жестуляциям и мимическим изменениям.

Следующую группу представляют **просодические сомативы**, которые преимущественно характеризуются особенностями темпа и высоты голосовых артикуляций. Голос, как невербальный канал, куда сложнее контролировать, чем тело и мимику, поскольку надделён существенными коммуникативными возможностями, анализируемыми другими людьми. Просодические сомативы репрезентируются следующими невербальными маркерами: „Stimme“ + „Ton“ (*ruhig sagen, selbstsicher antworten, überzeugt lügen, tonlos sagen*), „Stimme“ + „Tempo“ (*mit schnellem Tempo, mit dem steigenden Tempo, murmeln*), „Stimme“ + „Höhe“ (*betonen, mit fester Stimme, Stimme heben*).

Установленная в ходе анализа группа **окулесических сомативов** описывает интенсивность зрительного контакта или, напротив, отсутствие визуального контак-

та у коммуникантов (например, взгляд в сторону). Окулесические сомативы манифестируются следующими невербальными маркерами: „*Blick*“ + маркер напряжённого внимания (*aufblicken, anstarren, glotzen, mit erweiterten Pupillen starren*), „*Auge/Blick*“ + маркер уклонения от визуального контакта (*wegblicken, weggucken, zur Seite schauen, die Augen abkehren, von Blickkontakt meiden, den Blick wenden*).

При осуществлении ложного высказывания происходят вегетативные изменения температуры тела и кожных покровов, свидетельствующие о сильном умственном или психологическом напряжении. Анализ немецкоязычных художественных текстов позволил выделить следующую группу **кинесических вегетативов**, демонстрирующих ложность высказывания: ядром „*Gesichtsrötung*“ + маркер изменения цвета лица (*das Gesicht rötet sich, die Wangen röten sich, rote Wangen haben, rot anlaufen, rot werden*), „*Schweiß*“ + маркер выделения пота (*in Schweiß ausbrechen, in Schweiß geraten*).

Состояние стресса и дискомфорта при манифестации лжи отражается в изменении голосовых модуляций и темпа артикулирования, появлении большого числа заминок и заполнителей пауз, ошибок при произнесении. Данные маркеры указывают на несогласованность процесса возбуждения над процессом торможения у лжеца и превалирование первого. К **просодическим вегетативам** относятся соответствующие невербальные маркеры: „*Stimme*“ + маркер неартикулируемой реакции (*beben, stottern, husten, räuspern*), „*Schweigen*“ (*durch Verschweigen, stumm bleiben, keine Antwort geben*), „*Lachen*“ (*hysterischer Lachkrampf, Lachanfall, von einem Lachkrampf geschüttelt*).

Глаза являются дополнительным и информативным маркером для верификатора лжи. При стрессе лжец активно моргает или мигает глазами. Данному действию есть физиологическое объяснение, при переживании стресса подобное зрительное поведение как «защитный механизм» блокирует негативные сигналы. Группа **окулесических вегетативов** демонстрируется следующим невербальным маркером: „*Auge*“ (*anzwinkern, blinzeln, Augen weit aufreißen, sich die Augen weiten, Augen groß machen, mit den Augen klimpern*).

В соответствии с представленной классификацией невербальных маркеров целесообразно описать **микрополя кинесических, просодических и окулесических характеристик** осуществления ложного высказывания. В процессе исследовательского анализа немецкоязычной художественной литературы выделяются следующие группы микрополей, выступающих квалитативной характеристикой указанных выше каналов невербальной семиотики: **кинесическая характеристика микрополя «движение руками»** выражается наречиями – выразителями направления движения (*auswärts, rechts, rechtsseitig, links, halbwegs*), прилагательными, описывающими степень эмоционального переживания (*stark, kräftig, un gelenkt, zart, gekrümmt, nervös, heftig, machtvoll*); **кинесическая характери-**

ка микрополя «телесные движения» выражено прилагательными, указывающими на интенсивность сопровождающих эмоций (*übertrieben, nervös, tief, eifrig, lakonisch, gleichgültig*), прилагательными, указывающими на намеренность и обдуманность сопровождающих эмоций (*mechanisch, bestätigend, bedächtig, artig*), словосочетаниями с конструкцией предлог + причастие + существительное, описывающими динамику действий (*mit dem hängenden Kopf, mit gesenktem Kopf, mit gerunzelter Stirn*); **кинесическая характеристика микрополя «мимика»** транслируется прилагательными, конкретизирующими напряжение лица (*rot, nervös, erregbar, ruhelos, zappelig, fahrig, gehemmt*); **просодическая характеристика микрополя «тон голоса/ мелодика голоса»** отражается прилагательными, манифестирующими эмоционально-экспрессивную окрашенность голоса (*diskret, hemmungslos, vorsichtig, matt, rasch, tonlos, eilig, schleunig*), прилагательными, характеризующими спокойствие и мелодический диапазон (*langsam, leise, ruhig, still, seelenruhig, zurückhaltend*); **просодическая характеристика микрополя «темп речи»** воспроизводится причастиями, являющимися выразителями степени эмоционального напряжения (*abwägend, stockend, stolpernd, zögernd*), субстантивированными глаголами с предлогом (*durch Verschweigen, durch Zögern*), словосочетаниями с конструкцией предлог + прилагательное + существительное, демонстрирующими степень голосового напряжения (*mit aller Kraft, mit fester Stimme, mit harter Stimme, mit bebender Stimme*); **просодическая характеристика микрополя «высота голоса»** дополняется прилагательными, конкретизирующими степень проявления эмоционального переживания (*hart, hörbar, deutlich, energisch, scharf, intensiv*), наречиями и прилагательными, описывающими желание уйти от разговора (*kaum hörbar, kaum wahrnehmbar, halblaut, leise*); **окулесическая характеристика микрополя «моргание»** отражается прилагательными, характеризующими несознательность действия (*automatisch, heftig, reflexhaft, rasch, unbewusst, unwillkürlich*), прилагательными, манифестирующими повторяемость действия (*permanent, mehrmalig, wiederholt*); **окулесическая характеристика микрополя «пристальный взгляд»** обогащается за счёт прилагательных, выражающих длительность визуального процесса (*lange, konstant, sprachlos, starr, unentwegt, dauernd, schweigend*), словосочетанием с конструкцией предлог + прилагательное + существительное, выражающим эмоциональный дискомфорт и желание спрятаться (*mit unbewegten Augen, in unentwegte Richtung*); **окулесическая характеристика микрополя «отсутствие зрительного контакта»** выражается причастиями, иллюстрирующими направление взгляда в сторону и его отстранённость (*wegguckend, wegblickend, wegsehend*).

Взаимопонимание между собеседниками возникает не только вследствие расшифровки языковых единиц, а также за счёт оценки неречевого поведения участника коммуникативного акта. Анализ формы и содержания невербальных

единиц, а также их взаимоотношений, позволяет изучить содержание невербального описания осуществления ложных высказываний посредством формальных языковых средств в отрезке текста. Текст произведения предстаёт в виде сложного смыслового целого. Читатель познаёт авторскую интенцию посредством выраженных (эксплицитных) и невыраженных (имплицитных) смыслов, неразрывно связанных в тексте и способствующих его раскрытию. Под *эксплицитным* понимается смысл, содержащий информацию, не требующую особого декодирования. Для *имплицитного* смысла, напротив, характерно раскрытие содержания через дополнительное осмысление отдельных языковых единиц высказывания. Невыраженная, но подразумеваемая информация постигается получателем благодаря фоновым знаниям и через концептуальную систему.

При *эксплицитном описании* невербальное поведение лгущего персонажа изображается с помощью маркеров кинесических, просодических и окулесических сомативов, которые характеризуют преимущественно внешнее поведение лгущего коммуниканта. При этом языковыми маркерами эксплицитного описания лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе являются прилагательные, наречия образа действия, причастия и другие квалификаторы, которые описывают чрезмерную интенсивность кинесических, просодических, окулесических сомативов (*mit heftigem Achselzucken, scharfes Kopfschütteln; mit schnellem Tempo, sehr leise murmeln; mit erweiterten Pupillen starren, andauernd wegblicken*), глаголы описания изменений в состоянии или глаголы кинесической характеристики микрополя «движения руками»; «телесные движения», «мимика» (*zucken (die Schultern), kneten (Hände), herumspielen (mit Haar), reiben (die Nasenspitze); unterstreichen, in der Rede abbrechen; schauen (zur Seite)*), причастия и прилагательные, направленные на участника речевой ситуации лжи и выражающие неискреннюю уверенность в сообщаемом (*kräftig, heftig, eilig, zögernd, energisch, intensiv*), компоненты сложных глаголов, указывающих на направленность движения в сторону от объекта обмана (*den Kopf zurücklehnen, von einem Fuß auf den anderen treten; spontan heraussprudeln, unwillkürlich weggucken*).

Художественный дискурс характеризуется эстетической значимостью, многоплановостью прагматического контекста и особенностями в постижении *имплицитных смыслов*. Деятельность читателя предполагает умение построения текстовой и читательской проекции посредством переосмысления сюжетно-композиционного уровня (авторского плана), реконструирования образа персонажа и плана конкретных эпизодов. Построение проекции подразумевает моделирование ситуации и способствует установлению у реципиента соответствия между текстуальным эпизодом и картиной в реальной жизни. Декодирование имплицитных смыслов, адекватное восприятие и понимание текста обеспечивается пресуппозициями, создающими «ситуативный фон» на основе предварительных

знаний читателя. В имплицитных высказываниях обнаруживается асимметричное отношение между языковыми единицами плана содержания и соответственно единиц плана выражения, которое нивелируется с помощью лингвистических и паралингвистических контекстов.

В качестве имплицитных маркеров квалифицируются лексические единицы, где невербальный маркер не получает чёткого описания со стороны автора художественного текста и прямого обозначения невербального движения для осуществления ложного высказывания не наблюдается, например, глагольные конструкции, указывающие на действия и передающие дополнительные оттенки, позволяющие интерпретировать имплицитные смыслы (*eine besorgte Miene machen, einen flüchtigen Kuss auf die Wange geben, ein mokantes Lächeln aufstecken*), прилагательные, определяющие свойства рассматриваемого невербального маркера за счёт ассоциативного ряда (*bebende (Stimme), fassungslose (Miene), funkelnde (Augen)*).

В процессе анализа языкового практического материала установлено, что невербальные компоненты ложных высказываний репрезентированы в художественном дискурсе в соответствии с кинесическими, просодическими и окулесическими признаками невербальной семиотики. Неречевые сигналы классифицируются по их эксплицитному и имплицитному смысловому выражению в зависимости от выраженной или сдержанной реализации невербального поведения лгущего персонажа. Выявление невербальных маркеров лжи представляется эффективным способом верифицирования и декодирования ложного высказывания.

В третьей главе «Анализ невербального поведения лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе» описывается модель невербального поведения лгущего персонажа, предлагается классификация лгущего персонажа в зависимости от модели невербального поведения лгущего персонажа (*эмотивный тип, адаптивный тип, регулятивный тип*), даётся характеристика и приводится исследовательский анализ каждого верифицированного типа лгущего персонажа с репрезентацией маркеров лжи.

Для анализа были отобраны 850 диалогических фрагментов, манифестирующих ложные высказывания и описывающих невербальное поведение лгущего персонажа. Примеры отбирались методом сплошной выборки. Отбор примеров, манифестирующих ложное высказывание лгущего персонажа, осуществлялся путем подбора конкретных словоформ глагола *lügen* (лгать, обманывать), например, «*sie hat gelogen*», «*er hat gelogen*», «*log*», «*lügen*» и др., а также посредством выявления невербального кода и последующего верифицирования типа лгущего персонажа с учётом заложенной автором контекстуальной канвы.

Модель невербального поведения верифицированных типов лгущего персонажа в представленном исследовании строится по следующей структуре: 1) агент ложного высказывания (лгущий персонаж); 2) объект ложного высказыва-

ния (на кого направлена ложь); 3) невербальный код ложного высказывания (кинесика, просодика, окулесика); 4) мотив ложного высказывания (причины осуществления ложного высказывания); 5) авторская оценка поступка.

В проанализированном пласте художественных текстов *эмотивный тип лгущего персонажа* эксплицируется в действиях героя, испытывающего эмоциональный подъём, возбуждение. Эмотивный тип лжеца в момент высказывания ложной информации руководствуется симметричной интенциональной доминантой – желанием привлечь внимание.

Анализ ложных маркеров в невербальном поведении лгущего персонажа эмотивного типа позволяет прийти к следующему выводу: в невербальном поведении эмотивного типа лгущего персонажа типично использование просодических маркеров. Для отражения фонационных изменений эмотивного типа лгущего персонажа авторы используют номинации невербальных компонентов, характеризующих повышенный тон голоса – „*Klang der Stimme (gehoben)*“, например: *mit hoher Stimme sprechen, flötend klingen, selbstsicherer antworten, mit großtönender Rede*. Невербальное поведение лгущего персонажа эмотивного типа отображается через голосовые модуляции, описывающие эмоциональные изменения в тональности и высоте голоса в зависимости от переживаний лжеца.

Просодическая характеристика тона голоса лгущего персонажа рассматриваемого типа отражается прилагательными, манифестирующими эмоционально-экспрессивную окрашенность голоса, например, *matt, selbstsicher, rasch, tonlos, eilig*; прилагательными, описывающими высоту голоса и конкретизирующими степень проявления эмоционального напряжения, например, *hoch, energisch, deutlich, intensiv*.

Невербальное поведение лгущего персонажа эмотивного типа демонстрируется автором, как посредством эксплицитного описания, так и через имплицитный смысл, предполагающий читательское переосмысление авторского замысла и понимание смысловых компонентов художественного текста. Языковыми средствами для расшифровки эксплицитного невербального поведения эмотивного типа лжеца выступают лексические номинации невербального кода, описывающие фонационные изменения или глаголы просодической характеристики микрополей «тона голоса», «высота голоса» и квалифицируемые прилагательными для описания интенсивности голосовых модуляций, например: *seelenruhig lügen, selbstsicher antworten, überzeugt lügen, tonlos sagen, flötend klingen*.

Декодирование имплицитных смыслов невербального поведения лгущего персонажа осуществляется посредством существительных, отражающих сигналы определённых невербальных действий и определяющих свойства невербального маркера посредством описывающих прилагательных и дополнительного ассоциативного ряда, например: *gemachtes Lachen, pfiffiges Lächeln, bebende Stimme, funkelnde Augen*.

Для *адаптивного типа лгущего персонажа* характерно соглашательская позиция. Комплексный анализ коммуникативных и невербальных поведенческих характеристик позволяет отнести лгущего персонажа к адаптивному типу героя, который притворяется и льстит своему собеседнику. Мотивационный признак, определяющий соотношение героя лгущего персонажа к адаптивному типу, эксплицитирован в осознанном авторском выборе обманного поведения, характеризующееся двойственностью. Интенция к обманному поведению ситуативна и направлена «на случай», осознанное извлечение выгоды или удовлетворения потребностей. Исследование ролевой характеристики данного типажа, приводит к обнаружению тесной корреляции притворного поведения лгущего персонажа с такими понятиями как «роль», «игра», «маска», формирующих внешний портрет типажа и отсылающих к сфере театральности. Литературный лгущий персонаж адаптивного типа в процессе взаимодействия использует метафорическую коммуникативную структуру «верх-низ», где с позицией «верх» соотносится возвеличиваемый, некто значимый, а с позицией «низ» – сам лжец, раболепствующий и выслуживающийся в расчёте на приобретение определённой выгоды.

Для лгущего персонажа адаптивного типа наиболее представительными являются лексические номинации просодического невербального кода с характеристикой низкого, ровного тона голоса – „*Klang der Stimme (tief, eben)*“, например: *mit gekünsteltem Laut, entschuldigend klingen (Stimme), mit schmeichlerischer Stimme, murmeln, tonlos aussprechen, ruhig sagen.*

Авторское описание невербального поведения лгущего персонажа адаптивного типа находит имплицитное выражение, обрисовывающее дуалистическое поведение лжеца и верифицируемое через осмысление и декодирование ситуативного кода. Имплицитная природа несловесного поведения лгущего персонажа адаптивного типа обнаруживается через стремление автора охарактеризовать и описать разоблачительное поведение лжеца с помощью качественных и конкретизирующих имён прилагательных, способствующих созданию выразительного образа для построения текстовой и читательской проекции, например, *listig, katzenfreundlich, ungerührt, deutlich, unentwegt, vorsichtig.*

Обобщение полученных результатов исследования позволило заключить, что при формировании альтернативного представления лжец адаптивного типа довольно искусно скрывает своё состояние, имитируя необходимое для конкретной ситуации поведение, управляет выражением лица и способен успешно контролировать модуляции голоса при фальсификации своего поведения.

В когнитивно-прагматическом плане возможно рассмотрение *регулятивного типа лгущего персонажа* в роли героя-обманщика, искусно контролирующего своё поведение и эмоциональное состояние. Для достижения своих целей анали-

зируемый тип лгущего персонажа, как правило, проектирует весь сценарий и продумывает роли участников. Коммуникация лгущего персонажа регулятивного типа носит манипулятивный характер, что поддерживается его внешним, благожелательным обликом и ролью изобретательного, порядочного человека.

Верификация лгущего персонажа регулятивного типа возможна с большей частотностью по соответствующим кинесическим невербальным маркерам, выраженным жестами и телесными модуляциями – „*Geste*“, „*Körperbewegungen*“, например: *mit heftigen Achselzucken unterstreichen; einen Kuß geben; sich das Kinn reiben; zum Schrank gehen; den Kopf zurücklehnen; mit dem Kopf mechanisch nicken; Arme verschränkt halten; die Schultern heben.*

Автор описывает невербальное поведение лгущего персонажа регулятивного типа преимущественно эксплицитно, характеризуя при этом внешнее поведение лжеца. Эксплицитная природа невербального поведения лжеца поддерживается такими языковыми маркерами, как: прилагательные и причастия, описывающие интенсивность реакций: *scharfes Kopfschütteln, mit heftigem Achselzucken, mit gesenktem Kopf, die Brauen zusammenschiebend; sehr leise murmeln; andauernd wegblicken;* глаголы кинесической, просодической и окулесической характеристики, манифестирующие телесные изменения, фонационные и визуальные изменения: *zucken (die Schultern), reiben (die Nasenspitze), nicken (mit dem Kopf), zudrehen (den Rücken); unterstreichen; schauen (zur Seite).*

Диалогическая нить лгущего персонажа регулятивного типа изобилует невербальными кинесическими жестами не случайно. Лжец прибегает к подобному поведению для самозащиты и подтверждения «мнимой» правдивости, для отслеживания и контролирования невербальных сигналов, являющихся продолжением эмоциональных переживаний лгущего персонажа.

В **Заключении** представлены итоги исследования, обобщены полученные результаты и намечены перспективы дальнейших исследований. Проведённое исследование позволило описать невербальное поведение лгущего персонажа, выделить типы лгущего персонажа в немецкоязычном литературном тексте, охарактеризовать невербальный поведенческий код выявленного типа лгущего персонажа. Анализ реализации автором невербального кода лгущего персонажа в немецкоязычной художественной литературе позволил установить и описать следующие типы лгущего персонажа: эмотивный, адаптивный и регулятивный.

Проделанная работа способствует расширению круга исследуемых вопросов в области несловесного коммуникативного взаимодействия, систематизации невербальных маркеров, репрезентирующих ложное высказывание, осмыслению невербального поведенческого кода лгущего персонажа.

**Основные положения и результаты диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях автора:**

***Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ***

1. Хатламаджиян М.А. Лингвостилистические особенности авторского присутствия в речевой ситуации лжи (на материале немецкоязычной художественной литературы) / М.А. Хатламаджиян // Вестник Марийского государственного университета. – Йошкар-Ола, 2021. – Т. 15, № 2. – С. 237–243.

2. Хатламаджиян М.А. Лексические средства репрезентации ложного высказывания в гендерном аспекте (на материале немецкоязычной художественной литературы) / М.А. Хатламаджиян // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград, 2021. – Т. 10, № 2(35). – С. 339–342.

3. Хатламаджиян М.А. Просодические компоненты невербальной коммуникации как средство реализации ложных ассертивов (на материале произведений немецкой художественной литературы) / М.А. Хатламаджиян // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград, 2019. – Т. 8, № 2 (27). – С. 362–365.

4. Хатламаджиян М.А. Невербальный контекст функционирования ложных высказываний (на материале немецкой художественной литературы) / М.А. Хатламаджиян, А.В. Ленец // Известия ЮФУ. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2018. – № 1. – С. 110–117.

***Публикации в сборниках материалов научных конференций
и других изданиях***

5. Хатламаджиян М.А. Анализ окулесических компонентов ложного сообщения в контексте невербальной коммуникации (на материале произведений немецкоязычной художественной литературы) / М.А. Хатламаджиян // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – Украина: Донецк. 2018. – Т. 14, № 4 (42). – С. 68–76.

6. Хатламаджиян М.А. Кинесические маркеры выражения ложного высказывания (на материале немецкой художественной литературы) / М.А. Хатламаджиян // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей. Из-во Самарского университета. – Самара, 2017. – Вып. 2. – С. 208–216.

7. Хатламаджиян М.А., Языковая репрезентация особенностей передачи ложного сообщения в аспекте паралингвистики (на материале произведений немецкой художественной литературы) / М.А. Хатламаджиян, А.В. Ленец // Германистика в современном научном пространстве: материалы IV международной научно-практической конференции. – Краснодар Изд-во: КубГУ, 2016. – С. 105–110.

8. Хатламаджиян М.А. Изучение лжи с позиции прагмалингвистики / М.А. Хатламаджиян // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и куль-

турологическом аспектах: материалы VIII Международной практической конференции. – Челябинск, 2016. – Т. 2. – С. 140–143.

В печать 20.11.2021. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. 1.39 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 158.

Отпечатан ИП «Binding2016»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Тургенева, 68.